

«Дочь полка» войны не боится

ДАТА

Чаепитием в городском концертном зале с выступлением ансамбля «Бирюзовые колечки» 140 ярославцев отметили вчера день освобождения узников фашистских концлагерей. По праву гостеприимного хозяина их приветствовал глава администрации Кировского района Владимир Брык. Наши корреспонденты разговорились с одной из тех, в чью честь было устроено традиционное застолье, – Музой Константиновной Шестаковой-Алтуховой.

Война застала нашу собеседницу в поселке Погорелое городище Калининской области. Отца, директора льнозавода, мобилизовали сразу. Алтуховы с двумя детьми в числе первых получили лошадь с подводой для эвакуации. Но «добраться они даже до Калинина не успели. На лесной дороге их догнала немецкая танкетка...

Концлагерь представлял собой огороженное колючей проволокой село – это было Ильинское недалеко от Ржева. Для начала фашисты учинили проверку взрослых узников на благонадежность. Переодели в форму красноармейцев своих – будто Красная армия вернулась. Тех, кто бросился навстречу, расстреляли на месте. Мама еще до прихода немцев успела побыть связаной у партизан и про повадки оккупантов была наслышана.

Тем и спасла детей. Но не спаслась сама. Спали в избах вповалку на полу, на двухэтажных нарах. Ели распаренную свиную кожуемтину, лепешки из толченой лебеды. Папку «глинистого» хлеба получал только тот, кто работал. Муза в свои одиннадцать лет научилась управляться с серпом. На запястье у нее осталась ссадина от старого пореза.

Трехлетний брат Володя через месяц умер от дистрофии. Маму взяли в гестапо – кто-то донес. Больше ее Муза не видела. Где ее могила, неизвестно. Когда наши войска освободили многострадальный Ржев, захватчики как-то ночью в Ильинском сня-

Фото Вячеслава ЮРАСОВА.

ли охрану, оставив ворота открытыми. А наутро в Ильинском уже была Красная армия.

Потом Муза жила у тетки в Калинине. Однажды она решила бежать на фронт – сагитировал двоюродный брат. Написала отцу – дескать, ухожу за маму отомстить. Отцу, потерявшему жену и сына, только этого не хватало. Он предпринял все, чтобы беглянку остановить. Комдив полковник Щербина согласился взять девочку воспитанницей части. Чтобы забрать, откомандировали из Сухиничей наряда.

Новобранку откормили, экипировали, подогнав, как надо, взрослую форму. А поскольку отец служил начальником полевой хлебопекарни, дочь определили на должность пекаря, а по совместительству – прачки и письмоносца. Войну Муза закончила под Кенигсбергом. А замуж в первый же послевоенный год вышла за офицера-однополчанина. Отыскал ее отчаянный тот майор в Ярославле, куда по службе перевели отца. Так Муза снова оказалась в Восточной Пруссии, в Кенигсберге, уже успевшем стать Калининградом.

Проходили годы. То, что Муза Алтухова действительно была узницей концлагеря, пришлось ей в начале нового столетия подтверждать по суду. Написала в Погорелое городище. Там отыскалась женщина, бывшая учительница, знавшая Алтуховых.

«Музочка, – писала она в Ярославль, – я, конечно, тебя помню. Читаю твое письмо, которое шло... пятьдесят лет».

Когда Муза Константиновна Шестакова получила на руки документы с правом пользования льготами ветерана Великой Отечественной, будто тяжелый камень с души сняли, она снова почувствовала себя «дочерью полка», о которой есть кому позаботиться.

Первого мужа Муза Константиновна потеряла через полтора года после того, как они расписались: простудился в Чите на учениях. В 22 года осталась одна с четырехлетним сыном на руках. С Дальнего Востока вернулась в Ярославль, закончила здесь курсы бухгалтеров при статуправлении. Первая запись в ее трудовой книжке была такая: «счетовод Дома офицеров». А на пенсию уходила с должности главного бухгалтера облсобеса.

Во второй раз замуж вышла она много позже, сама поставила на ноги единственного сына, он у Музы Константиновны кадровый военный. У Шестаковых теперь двое внуков и двое правнуков, все живут в Ярославле.

Мы деликатно спросили Музу Константиновну о ее сегодняшних страхах.

– Наверное, ничего больше не боюсь, – ответила она. – Почему? Да потому что пуганая.

Иннокентий КАШИН.